

Хогвартс - 24. Ноябрь 1994 г.

"Гарри!" Знакомый голос Гермионы эхом разнесся по коридорам Хогвартса, когда он направился в комнату, где обычно тренировался. Далеко, далеко от людей, которые хотели пожелать ему добра или пытались поздравить его. Назойливые подхалимы, все они. И вдруг он совершенно по-новому понял, как Снейп усмехается и что это значит.

А еще он не хотел даже думать о том, что у него есть что-то похожее на родство с летучей мышью.

По его мнению, вся эта ситуация была утомительной. Он вздохнул и повернулся к ведьме, которую когда-то считал своей близкой подругой. "В чем дело, Гермиона?"

"Ты очень хорошо справился, Гарри", - нерешительно ответила она. Гермиона была смысленной, он знал, и она сразу же узнала его резкий тон. Он не был холодным, просто безразличным, и девушка потеряла свою блестящую улыбку, когда поняла это. "Я не могу поверить, что ты сражаешься с драконами", - снова начала Гермиона, на этот раз более уверенно. "Клянусь Мерлином, с драконами! У взрослых должно быть больше здравого смысла".

Он молчал во время ее разглагольствований, находя их несколько забавными, хотя лицемерие в упоминании здравого смысла не было для него непонятным. Он даже мог понять, почему большинство волшебников испытывают с ним трудности, когда магия регулярно совершает подвиги, не поддающиеся никакой логике. Но Гермионе, выросшей среди магглов и усвоившей ценности общества, в котором не было магии, не было оправдания. Вообще никаких.

"- А те заклинания, которые ты использовал, ты нашел в запретной секции? Тебя кто-то учил, Гарри?"

Его взгляд остановился на многочисленных доспехах, выстроившихся вдоль стен, - конечно, не таких красивых, как доспехи василиска, но все же не слишком потрепанных. Определенно пригодится, подумал он. В конце концов, вполне возможно, что когда-нибудь ему снова придется сражаться в этом самом замке, который он называл своим домом.

"Гарри?" - снова спросила она, и он перевел взгляд на нее. "Ты вообще слушал?"

Его глаза сузились, и он был уверен, что такой пронизательный человек, как Гермиона, прекрасно понял его молчаливый ответ.

"Ты все еще злишься?"

Выражение лица Гарри не изменилось, но внутренне он зарычал, не веря в наглость ее вопроса. Неужели она думала, что он не будет злиться? Что он не почувствует обиды после

того, как она отругала его на глазах у всех гриффиндорцев, рассказав, как безответственно было участвовать в турнире?

Возможно, она была не так проницательна, как он думал.

"Злишься", - глухо рассмеялся Гарри, все еще не веря, что она действительно спросила об этом. "А чего ты ожидала?" - спросил он ее. "Ты бросила меня после трех лет дружбы, Гермиона. Мы летали на гиппогрифах, путешествовали во времени и боролись с невозможными трудностями, и ради чего?"

"Действительно, ради чего", - пробормотал он себе под нос, не обращая внимания на ее потрясенный взгляд.

"То, что ты, Гермиона, единственный человек, который, как мне казалось, знал меня достаточно хорошо, бросила меня в один момент", - пробормотал Гарри. Ему не доставляли удовольствия ее слезы, но и раскаяния тоже не было. "Я просто не знаю, что об этом думать. От Рона я этого как-то ожидал, но от тебя?"

"Но..."

Он поднял руку и прервал ее ответ, на его губах заиграла грустная и тоскливая улыбка. "Думаю, пока нам лучше разойтись в разные стороны".

И, уходя, он не оглянулся.

Встреча с Гермионой заставила его задуматься над словами Дамблдора. Пожилой человек постоянно твердил о прощении, и, рассуждая здраво, он знал, что она не была плохим человеком; он знал, что лишь одно неверное решение с ее стороны привело к разрыву между ними. Вопрос, который он должен был задать себе, был прост, но сложен в своей сложности.

Должен ли он простить и забыть? Должен ли он простить, но никогда не забывать? Или же ему вообще следует загладить разрыв?

Рациональная часть его разума подсказывала ему, что следует выбрать один из первых вариантов - это было бы зрелым поступком, а зрелость, в конце концов, ожидалась от мальчика-который-жил. Однако его сердце все еще было горьким, и одна только встреча с ней заставляла его болеть от предательства.

Его мысли прервались, когда он остановился перед горгульей, охранявшей кабинет директора. Факелы освещали коридор, создавая мерцающие тени, и грозная статуя, по его мнению, составляла разительный контраст с веселым Дамблдором. На этот раз он не собирался разбрасываться всевозможными сладостями и использовал другой подход, чтобы получить быстрый вход.

"Пожалуйста, не могли бы вы спросить у директора, есть ли у него время?" - спросил он, настороженно оглядываясь по сторонам.

Даже по меркам волшебников разговор со статуей считался нелепым и безумным. Но кто такие волшебники, чтобы жаловаться? Концепция магии была безумием в лучшем случае, безумием в худшем, и он был уверен, что существуют и более странные вещи, чем разумная скульптура.

Однако его терпению не было предела, и горгулья отпрыгнула в сторону, открыв лестницу, ведущую в пыльные покои Дамблдора, как он их называл. Две недели он боролся с собой, размышляя, стоит ли обращаться к директору со своим вопросом. Две недели его мучил только один вопрос, и ничто, абсолютно ничто не давало на него ответа.

Деревянная дверь, сделанная из одного из многочисленных шотландских дубов, растущих вокруг Хогвартса, открылась, как только он подошел к ней. Мимолетный взгляд показал, что она украшена магическими рунами и символами.

И, переступив порог, он снова оказался в состоянии, близком к благоговению и изумлению. Красивые серебряные безделушки, явно сделанные с особой тщательностью, испускали мягкие струйки дыма; с какой целью, знал только директор. Над белой атласной подушкой висел стеклянный шар с фиолетовым огнем, под которым было написано "Пламя Анкоу".

Продолжая наблюдать, он заметил на стене слева от себя большой гобелен. По его свободно висящим угрозам и изношенному состоянию было очевидно, что он довольно старый. Присмотревшись, он увидел, что, несмотря на очевидный возраст, это была невероятно точная карта мира. Большинство стран были покрыты мягким зеленым сиянием, но он также увидел части мира, окрашенные в оранжевый и красный цвета.

"Замечательный артефакт, ты согласен, Гарри?" весело спросил Дамблдор, вырвав его из задумчивости.

Гарри быстро обернулся, чтобы извиниться за то, что проигнорировал его, но ему помешали. "Сэр, я..."

"Не волнуйся, мой мальчик. Ты не в беде", - успокоил его Дамблдор. "В конце концов, ведьмы и волшебники, которые старше вас на десятки лет, были очарованы артефактами, представленными в этом самом кабинете. К сожалению, я не могу приписать себе все их заслуги. Это постоянный труд каждого директора, когда-либо посещавшего эти священные залы", - пояснил он.

Гарри облегченно улыбнулся и захихикал, увидев, как директора, словно школьника, отругали различные портреты с обитательницами. Очевидно, они очень обиделись на его слова и дали понять, как они относятся к своему исключению.

"И директрисы, конечно же. Прошу простить мою ошибку", - быстро поправил Дамблдор.

Логично, что каждый из них оставил что-то ценное своему преемнику, предположил Гарри и поклялся поискать ритуалы экзорцизма. Сколько истории было потеряно из-за скучных уроков призрака? От планов изгнать Катберта Биннса пришлось отказаться, как это ни прискорбно. Директор не обрадуется, если один из его учителей внезапно исчезнет.

"Можете ли вы догадаться, что изображено на карте?" спросил Дамблдор и подошел к большому гобелену.

Гарри не торопился и внимательно рассматривал его, осторожно проводя пальцами по светящимся странам. Если Дамблдор и возражал против того, чтобы он прикасался к бесценному артефакту, то никак этого не показал.

"Эти цвета что-то показывают", - заявил Гарри. "Что-то, что объединяет большинство этих стран. Но что?"

Его рука зависла над оранжевой светящейся страной; Корея, если память ему не изменяла, и он перебирал в уме названия, которые принадлежали местам, окрашенным в красный цвет. Венесуэла, Гайана, Зимбабве, Ботсвана; он медленно соединял точки, и в его голове проносились теории, каждая из которых с каждой минутой становилась все более ужасающей.

"Война, - прошептал он, и в его голосе прозвучал испуг. Необычайно тусклый взгляд Дамблдора послужил ему подтверждением.

"Действительно, - ответил Дамблдор и грустно улыбнулся. "Однако карта, какой бы величественной и всезнающей она ни казалась, обладает лишь зачаточным пониманием мира. Иначе, боюсь, вся она была бы окрашена в красный цвет".

"Весь?" спросил Гарри, не в силах поверить в это.

"Я говорю о политике, Гарри", - пояснил Дамблдор. "Это постоянная борьба, которая разворачивается по всему миру, затрагивая всех нас на разных уровнях. Это слишком тонкая, слишком переменчивая борьба, чтобы мы, простые люди, могли уловить ее во всей полноте, не говоря уже о гобелене, каким бы мощным он ни был. Впрочем, это разговор для другого времени, когда ты станешь таким же старым, как я, и философия станет твоим хлебом с маслом".

Гарри внимательно слушал объяснения и вздохнул с облегчением. Англия и Шотландия всё ещё пульсировали зелёным светом, символизируя мир.

Однако он был поражён, когда морщинистые руки Дамблдора легли ему на плечи. "Не позволяй цветам обмануть тебя, Гарри. Ведь как бы легко они ни ложились на нашу душу, это

всего лишь иллюзия".

Гарри посмотрел на старца, в его глазах застыли вопросы, и Дамблдор продолжил объяснение. "Борьба за власть присутствует в каждом уголке, в каждой щели нашего мира. Посмотрите на Зимбабве и Ботсвану; эти страны окрашены в красный цвет только потому, что находятся в состоянии открытой войны друг с другом".

"Разве это не означает, что карта работает?" спросил Гарри в замешательстве.

"О, это значит. Думаю, вы будете удивлены, узнав, что даже во время первого террора Волдеморта Британия была окрашена в этот успокаивающий зеленый цвет".

Глаза Гарри расширились, и директор задумчиво кивнул.

"Вы должны понять, что, как бы ни была ужасна попытка Тома добиться власти, она состояла в основном из фанатичной политики, дополняемой его последователями", - сказал Дамблдор. "Только в самом конце, когда его армия наполнилась темными существами и фанатичными фанатиками - ее мощь сравнялась с мощью министерства, - цвет сменился с зеленого на оранжевый".

"Оранжевый?"

"Оранжевый, поскольку он оценил правление Волдеморта не как войну, а как революцию - такова природа карты. Как я уже сказал, интерпретация ее цветов носит довольно философский характер, и я нахожу, что проклиная гобелен так же часто, как и восхищаюсь им, откладывая свои собственные заботы на потом, когда замечаю зеленый, который простирается на большей части карты".

<http://tl.rulate.ru/book/101244/3477309>